

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ И СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ НА СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И.П. ИВАНОВА (1923–1944 гг.)

Примем за справедливое утверждение, что все мы родом из детства.

Каким было детство Игоря Петровича? Какие события того времени определяли атмосферу взросления, как и с кем взаимодействовал мальчик, родившийся в семье убеждённых революционеров 5 ноября 1923 года? Как пришли в революцию его родители? Что значила для них революционная борьба за новую справедливую жизнь? Почему революционная романтика станет постоянной спутницей взглядов и убеждений Игоря Петровича?

Слово «революция» было с детства наполнено для него особым смыслом, а рядом с ним всегда стояло слово «борьба». Даже в последние годы, будучи тяжело больным, неспособным связно выстроить устную речь, он выработал для себя законы-заповеди. На столе, за которым он работал, лежал лист бумаги, на котором было написано:

Устал – подтянись!

Ослаб – взбодрись!

Помни: революция не кончилась!

Для его родителей революция, с её устремлённостью к лучшей жизни, была наполнена глубочайшим смыслом. Уверенность в необходимости социальных преобразований, вера в великие идеалы, готовность к творческому преобразованию действительности – всё это они пронесли через свою жизнь.

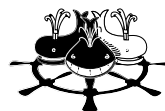
Для Петра Константиновича, отца Игоря Петровича, путь в революцию начался с один-

надцати лет, с поступлением на работу в слесарные мастерские Путиловского завода, продолжался в окопах Первой мировой войны, где солдат-доброволец, полный Георгиевский кавалер, стал убеждённым большевиком.

Борьба за победу идеалов революции привела его в Красную армию, с частями которой он был направлен на Северный Кавказ, где познакомился и крепко подружился с Серго Орджоникидзе. Там же, на Кавказе, вступил в партию и в 1920 году был направлен на работу в органы ВЧК. Тогда же в его жизнь пришла любовь. Ольга Константиновна Мацкевич, дочь военного врача, став женой Петра Константиновича, вместе с ним принимала активное участие в строительстве новой жизни.

Призыв В.И. Ленина – учиться, чтобы строить новую жизнь – семья Ивановых приняла с полной партийной ответственностью. Пётр Константинович успешно учился в составе первой партийной тысячи в Ленинградском металлургическом институте и по решению Политбюро ЦК ВКП(б) был направлен на три года в Гарвардский университет для продолжения образования и практики на заводах Форда.

К моменту отъезда отца в Америку Игорю Петровичу исполнилось семь лет. Его дошкольное детство было связано с частыми, достаточно серьёзными заболеваниями, однако слабое здоровье не отменяло занятий музыкой и иностранными языками. Учить языки было интересно, он помнил, как отец одолевал английский, чтобы учиться в Америке. В семье царил культ знаний, собиралась большая библиотека.

Читали все, соответственно, и маленький мальчик начал читать очень рано.

Школа как естественный этап взросления, как неотъемлемая часть строительства новой жизни, воспринималась в семье важнейшей составляющей этой жизни, реальным воплощением ленинского завета «учиться, учиться и ещё раз учиться».

В какой школе предстояло учиться мальчику, говорившему на двух языках, перечитавшему многое из русской и зарубежной классики, знавшему наизусть многие сцены из спектаклей ТЮЗа?

Школьные годы Иванова прошли в Первой образцовой мужской школе Ленинграда, где работали высокообразованные учителя. Все требуемые изменения вводились ими таким образом, что не травмировали детские души, не вызывали отторжения новые формы организации учебного процесса. А преобразования как следствие решений СНК СССР и ЦК ВКП(б) шли внахлест, каждый год новые учебные планы, с 1932 года урок снова стал основной формой обучения. Были возвращены преподавание по отдельным предметам и индивидуальная форма учета знаний учащихся. Учителя объявили «центральной фигурой учебного процесса».

Весной 1933 года школьник Игорь Иванов вместе с одноклассниками впервые прошел через проверочные переводные испытания, а через два года была восстановлена пятибалльная дифференцированная система оценок и отметок знаний, умений и навыков учащихся: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо» и «очень плохо». (Ввиду смысловой неопределенности отметка «удовлетворительно» потом была переименована на «посредственно»). В 1936 году прекращена деятельность педологов. И, наконец, в 1937 году прекратили работу «школьные мастерские» (1).

Время поступления в школу совпало с появлением в школах пионерских форпостов. А в конце тридцатых годов пионерская организация окончательно слилась со школой, перейдя на систему «класс–отряд», «школа–дружина», и стала всеохватывающей. Пионеры стали носить знаки различия, имели форму, маршировали строем, стояли

в карауле у знамен. Вступая в организацию, они давали торжественную клятву, всё более проявлялись признаки уже воинской, а не революционной романтики первых пионерских отрядов. Пионеры активно вовлекались в кружки юных связистов, санитаров, стрелков. Одним из увлекательных дел были военно-спортивные игры. Здоровье не позволяло Игорю Петровичу активно включаться в работу пионерского отряда, и он ставил перед собой задачу закалки, разработал программу занятий и неуклонно следовал ей: обливание, плавание, длительные прогулки, езда на велосипеде и т.п.

Кроме пионерской организации у Игоря Иванова, как и массы других ленинградских детей, был ТЮЗ – театр юного зрителя. Этот театр был излюбленным местом, куда с самого раннего возраста он привык приходить. Любовь к театру получила новое развитие в школьном театре, где он успешно участвовал в ряде спектаклей и даже писал собственные сценарии.

Театр и литературное творчество заполнили его жизнь, он участник и победитель ряда литературных конкурсов. Одна из его работ, написанных к 150-летию А.С. Пушкина, получила высокую оценку С.Я. Маршака.

Увлечение литературой развивалось у Иванова благодаря учителю С.В. Полуботко. Влияние этого педагога на становление личности Игоря Петровича было очень велико. Он приучил своего любознательного ученика погружаться в литературный анализ, вести дневники-размышления о прочитанном.

С этим ощущением творческого успеха, с уверенностью, что жизнь прекрасна, он оканчил 1937/38 учебный год и уехал на каникулы. И вот в этот сложный подростковый период, когда ему ещё только исполнилось четырнадцать лет, пришла весть, что отца арестовали как врага народа. Семь долгих месяцев длилась неизвестность, и за эти семь месяцев он увидел в своей матери активного борца, для которого идеалы революции и борьба за человека существовали нераздельно. Самым активным образом были задействованы старые чекистские связи, прежде всего с семьёй Орджоникидзе. Именно он был в составе комиссии, напра-

вившей Петра Константиновича на учёбу в Америку, он был и членом особой комиссии, принимавшей решение о распределении после учёбы, именно с ним, как наркомом промышленности, велось деловое сотрудничество. Однако донос есть донос, план по раскрытию шпионских заговоров Н.И. Ежов реализовывал с особым усердием, но он перестарался. На заводах не осталось квалифицированных специалистов, а подготовка к войне неукоснительно требовала металла. Так сошлись звёзды, что в этот период наркома Ежова сменил Л. Берия. В январе 1939 года Р.С. Землячке удалось добиться освобождения Петра Константиновича, перед которым даже извинились за незаконный арест. Его вернули на прежнюю должность, предоставили возможность подлечиться в санатории после перенесённых побоев и пыток. Однако Сталин долгое время, до самых сложных ситуаций в годы войны, будет всячески пресекать его движение по карьерной лестнице. Тень ареста будет висеть над семьёй вплоть до 1956 года.

Несмотря на пережитые испытания, семья осталась верной идеалам революции, поэтому безо всяких сомнений в этом же, 1939 году, Игорь Иванов вступил в комсомол. Следуя желанию сделать жизнь комсомольской организации максимально полезной делу революции, он предложил использовать приёмы организации, о которых узнал из книги А.С. Макаренко «Педагогическая поэма».

Безусловно, пятнадцатилетний юноша не соотносил эти предложения с покушением на уставные требования к деятельности комсомола, но были те, кто крамолу увидел и сообщил в компетентные органы. Принадлежность юноши к семье «врага народа», хотя и оправданного, предполагала дополнительную проверку его инициатив. К проверке, среди прочих, привлекли и Н.А. Лялина, сотрудника Педагогической академии им. Н.К. Крупской. Он был одним из первых учёных, который стал изучать опыт А.С. Макаренко воспитания в коллективах и написал статьи о роли опыта А.С. Макаренко для отечественной педагогики. Вот такому учёному предложили изучить и дать политиче-

скую оценку деятельности Игоря Иванова.

Знакомство молодого учёного с секретарём комсомольской организации произвело на каждого из них сильное впечатление, они очень серьёзно обсуждали опыт А.С. Макаренко, возможность его использования в обычной школе. Естественно, что о какой бы то ни было подрывной деятельности в отчётном документе, который составил Н.А. Лялин, речи не было. Это позволило спокойно завершить обучение в школе, которое совпало с началом Великой Отечественной войны.

Семью Ивановых эвакуировали вместе с заводом отца сначала в Уфу, а затем и в Горький. Знания и опыт металлурга П.К. Иванова были востребованы настолько, что Сталин вынужден был дать разрешение к привлечению его к работе на авиационном заводе. Сложности жизни военного времени семья испытала в полной мере. Слабое здоровье Игоря Петровича дало о себе знать, он долго и тяжело болел, не было нужных лекарств, какое-то время родным казалось, что он не выживет. После выздоровления он добивался разрешения отца работать на заводе. Хорошая учёба в школе позволила быстро освоить технологии спектрального анализа, и он был принят на работу в соответствующую лабораторию. Обстановка на фронте была очень тяжёлой, нужно было поддерживать у людей веру в победу. Используя свои театральные способности и владение литературным материалом, он интересно выстроил работу агитатора, о чём писали 8 июля 1942 г. в специальном выпуске газеты «Комсомольская правда».

Несмотря на напряжённый режим жизни, Игорь Петрович готовился к поступлению в университет, много читал, совершенствовал владение иностранными языками, к немецкому и английскому был добавлен французский. К моменту возвращения из эвакуации в Ленинград философского факультета он приложил огромные усилия, чтобы получить разрешение на выезд для сдачи вступительных экзаменов.